

А. И. АНДРЕЕВ

ЧЕРТЕЖИ И КАРТЫ РОССИИ XVII ВЕКА, НАЙДЕННЫЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

История географии России XVII в. имеет большую литературу, особенно увеличившуюся в последние годы. Труды советских географов и историков географии России XVII в. занимают весьма большое место; имеются в виду прежде всего работы последних лет.¹ Но при всем большом научном значении этой

¹ К. А. Салищев. Основы картоведения, Историческая часть. М., 1943 (изд. 2, М., 1948); К. Н. Сербина. 1) Книга Большого чертежа и ее редакции. Исторические записки, т. 14, 1945, стр. 129—147; 2) Источники Книги Большого чертежа. Исторические записки, т. 23, 1947, стр. 290—324; М. С. Боднарский. Очерки по истории русского земледелия, I. М., 1947; Д. М. Лебедев. География в России XVII века (до петровской эпохи). М.—Л., 1949; Ф. А. Шибанов. Большой чертеж — первая оригинальная русская карта Московского государства. Труды Всесоюзного географического съезда, III, М., 1949, стр. 272—280; Б. А. Рыбаков. Древнейшая русская карта начала XVI в. и ее влияние на европейскую картографию XVI—XVIII вв. Там же, стр. 281—282 (тезисы); Ф. А. Шибанов. О некоторых вопросах из истории картографии Сибири XVII в. Ученые записки ЛГУ, серия геогр. наук, вып. 5, 1949, стр. 270—306; Л. С. Берг. Очерки по истории русских географических открытий, изд. 2, исправл. и дополнен. М.—Л., 1949; А. В. Ефимов. 1) Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. XVII—первая половина XVIII в. М., 1950, главы II и III; 2) Вводная статья к сборнику документов «Открытие русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на северо-востоке Азии». М., 1951; И. А. Голубцов. Пути сообщения в бывших землях Новгородского Великого в XVI—XVII вв. и отражение их на русской карте середины XVII века. Вопросы географии, сб. 20, 1950, стр. 271—302; М. И. Белов. Введение и примечания к сборнику документов «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах». М.—Л., 1952; Ф. А. Шибанов. 1) Чертеж украинским и черкасским городам от Москвы до Крыма. Известия Всесоюзного географического общества, 1952, вып. 1, стр. 93—95; 2) Некоторые соображения о русской картографии XVII в. Там же, 1952, вып. 3, стр. 313—315; А. И. Андреев. Труды русских географов и путешественников XVII—XX вв. по изучению Украины и украинского народа. Известия Всесоюзного географического общества, 1954, вып. 2,

литературы следует признать, что все же многие вопросы ее остаются слабо разработанными, главным образом из-за недостатка источников; хорошо известно, например, что из многочисленных географических чертежей, существовавших в России XVII в., историки географической науки пользуются теперь лишь немногими, почти исключительно чертежами Сибири второй половины XVII в. (1667 и последующих годов). Большая же часть чертежей России XVII в. или до сих пор не отыскана, или — что вернее — погибла. Ввиду отмеченного недостатка географических источников, и прежде всего географических чертежей и географических описаний, крупнейшим событием в истории русской географической науки XVII в. явились сделанные в эти годы находки новых географических источников — географических чертежей и карт XVII в.

Самой ранней находкой является «Чертеж украинским и черкасским городам от Москвы до Крыма». Чертеж этот был найден Л. С. Багровым в Стокгольме в Шведском государственном архиве и в 1923 г. напечатан в «Трудах русских ученых за границей» (т. II, Берлин, 1923) и вторично в «Anecdota Cartographica» (I, Берлин, 1935). У нас этот чертеж был впервые напечатан только в 1943 г. в работе К. А. Салищева «Основы картоведения. Историческая часть» (стр. 128); после того этот чертеж печатался еще два раза: в т. I «Очерков по истории русского земледелия» М. С. Боднарского и во 2-м издании упомянутого труда К. А. Салищева (1948, стр. 123).

Л. С. Багров, К. А. Салищев, М. С. Боднарский склонны были видеть в этом «Чертеже украинским и черкасским городам» тот «Чертеж Полю до Перекопи», который сочинен в Разрядном приказе в 1627 г. К. Н. Сербина совершенно справедливо указывала в 1950 г., что это два совершенно разных чертежа. В 1952 г. Ф. А. Шибанов произвел весьма тщательное изучение «Чертежа украинским и черкасским городам» и пришел к правильному заключению, что «„Чертеж украинским и черкасским городам“ является совершенно оригинальным картографическим произведением и ни в какой мере не может считаться копией чертежа 1627 г., составленного в дополнение к Большому чертежу».² Сравним этот чертеж с общим чертежом

стр. 124—135; М. И. Белов. Семен Дежнев, изд. 2. М., 1955; К. А. Салищев, А. В. Гедымин. Картография. М., 1955; М. И. Белов. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. М., 1956; А. А. Ураносов. К истории составления Книги Большому чертежу. Вопросы истории естествознания и техники, вып. 4, 1957, стр. 188—190, и др.

² Известия Всесоюзного географического общества, 1952, вып. 1, стр. 95.

Сибири 1673 г., Ф. А. Шибанов справедливо отметил, что «эти чертежи либо составлены, либо скопированы одним и тем же лицом». Но так как чертеж Сибири составлен, по мнению Ф. А. Шибанова, «не ранее 1667 и не позднее 1673 гг., то очевидно, что и „Чертеж украинским и черкасским городам“ составлен в этот же промежуток времени».³

В дополнение к этому выводу следует сказать, что историко-географическая наука еще в 80-е годы XIX в. располагала определенными (опубликованными в «Записках Русского Географического общества», отд. этногр., т. X, вып. 1, 1882, стр. 158—164) известиями о том, что общий чертеж Сибири, преимущественно восточной ее части — «Енисейску и Селенгинскому и иным острогам и Даурам, и Мугалам, и Китайскому, и Никанскому государству» составлен сыном боярским драгунского строя капитаном Степаном Васильевым сыном Поляковым в 1673 г., «и про тот чертеж... он, Степан, в Сибирском приказе сказал: делал он тот чертеж едучи из Тобольска к Москве на дороге на Чюсовой в Строгонове городке подлинной сам, для того что в Селенгинском остроге (куда он прибыл в ноябре 1672 г. и где был еще в январе 1673 г.) и в Енисейску иконников не было, писать некому. А в Тобольске он того чертежа не делал для того, что посылки себе к Москве не чаял. И тот чертеж подал он в Сибирском приказе с тем Селенгинским чертежем и статейным списком для того, что он, Степан, в тех местах бывал».

На основании государева указа из Посольского приказа 13 июля 1674 г. тобольский сын боярский капитан С. В. Поляков был отправлен 15 июля 1674 г. из Сибирского приказа в Посольский вместе с двумя чертежами и «списком с доезду» его Селенгинского острога; все эти материалы требовались «к отпуску в Китайское государство переводчика Николая Спарфария».⁴ Имеющийся же в нашем распоряжении общий чертеж Сибири 1673 г., хранящийся в бывшем Военно-Ученом архиве, является копией чертежа С. В. Полякова, сделанной чертежником Разрядного приказа Леонтием Книшиным (вероятно, Климшиным, — А. А.); тем же Климшиным сделан и «Чертеж украинским и черкасским городам», возможно, в том же 1673 г., к которому относится и его копия с чертежа Сибири. Был ли Леонтий Климшин составителем «Чертежа украинским и черкасским городам» или же только скопировал чертеж, кем-то другим составленный, сказать пока нельзя, но можно полагать, что он

³ Там же.

⁴ Записки Русского географического общества, отд. этногр., т. X, вып. 1, 1882, стр. 158—164.

был составителем того же чертежа, так как имеется известие от начала 1675 г. про Л. Климшина, что «бывает он в украинских во многих городех для чертежного дела разоренных мест. да и в Разряде чертежные дела он же делает».⁵

«Чертеж всей Сибири до Китайского и до Никанского царства» 1673 г. был издан впервые в 1914 г. по копии, хранящейся в бывшем Военно-Ученом архиве.⁶ Другая копия чертежа Сибири 1673 г. оказалась в руках Эрика Пальмквиста, члена шведского посольства в Москве в 1673 г., была увезена им в Швецию, затем вошла в состав его известного альбома. Вероятно, тем же Пальмквистом и тогда же, в 1673 г., в Москве был получен «Чертеж украинским и черкасским городам» и также увезен в Швецию; этим и объясняется нахождение «Чертежа украинским и черкасским городам» в Шведском государственном архиве. Этот чертеж, вероятно, надо отнести также к 1673 г., как и упомянутый выше «Чертеж всей Сибири», и считать его первым общим чертежом Украины, составленным после 1654 г. кем-то из русских чертежников в Москве (по-видимому, тем же, которому принадлежала и русская копия «Чертежа всей Сибири» 1673 г.).⁷ Одновременно с «Чертежом украинским и черкасским городам» Л. С. Багров напечатал и карту Каспийского моря с надписями на голландском и русском языках. Эта карта была опубликована впервые в труде доктора О. Даппера (O. Dapper) «Beschrijving des Königrjyks van Persie», вышедшем в Амстердаме в 1672 г.; та же карта, увеличенная до folio, помещена в атласе фон-Кейлена 1721 г.; в 1923 г. эту же карту напечатал Л. С. Багров в «Трудах русских ученых за границей» (т. II, Берлин, 1923, после стр. 42); он же дал и исследование этой карты (см. там же, стр. 38—39). Ту же карту изучил и Л. С. Берг в «Очерках по истории русских географических открытий» (2-е изд., М.—Л., 1949, стр. 273—275). Л. С. Берг установил, что карта Каспийского моря та самая, о которой говорит голландский географ Витсен, бывший в Москве в 1664—1665 гг., в своей книге «Север и восток Тартарии» (1692); Витсен сообщает, что по распоряжению царя Алексея Михайловича Каспийское море, равно как и Волга с ее устьями, были положены на карту.⁷ Оригинал этой карты до нас не дошел, но копия была снята Витсеном в 1665 г. и спустя семь лет воспроизведена в книге Даппера. Эта же карта была

⁵ И. Н. Михайловский. Очерк жизни и службы Николая Спафария в Москве. Киев, 1895, стр. 11.

⁶ Л. С. Багров. Карты Азиатской России. Пгр., 1914, стр. 13.

⁷ N. Witsen. Noord- en Oost Tartarya. Amsterdam, 1692, Предисловие, стр. 4 нумерованная.

скопирована в Москве в 1674 г. шведом Э. Пальмквистом и опубликована Норденшельдом в его атласе (*Periplus*, 1897).

В статье «Приоритет открытия Амура, Татарского залива и острова Сахалина»⁸ Л. С. Багров напечатал чертеж р. Амура даурского полковника Афанасия Иванова сына Байдона (Бейтона).

В XII томе «*Imago Mundi*», вышедшем в 1955 г., Л. С. Багров вновь воспроизвел тот же чертеж р. Амура.⁹ М. И. Белов считает чертеж А. И. Бейтона «одной из первых карт Даурии»; по его словам, «в числе нескольких царских чиновников Бейтон был направлен в Даурию в связи с урегулированием русско-китайских отношений», а самый чертеж он относит к 1690 г. Неизвестно, откуда взяты эти сведения о чертеже А. И. Бейтона — в доступных нам источниках и литературе их не обнаружено. Непонятно, об урегулировании каких русско-китайских отношений может идти речь в 1690 г., когда только что они были «урегулированы» договором 1689 г., к которому присоединен чертеж р. Амура и его системы (он хранился в начале нашего века в фонде Сибирского приказа, ст. 1555, л. 37, в копии 207 (1698/99) г.).¹⁰ Судя по тому, что албазинский казачий голова А. Бейтон после снятия в декабре 1686 г. осады Албазина состоял в «полку» окольного Федора Алексеевича Головина и среди дел этого «полка» 198—199 (1690/91) г. находится челобитная Афанасия Бейтона, обстоятельно рассказывающая о его многолетней службе и поверстании в чин полковника,¹¹ его чертеж относится ко времени до 1689 г., когда был заключен упомянутый русско-китайский договор.

В той же Швеции, где был найден «Чертеж украинским и черкасским городам», в библиотеке Упсальского университета, в собрании рукописей шведского историка и лингвиста Иоганна Спарвенфельда, были найдены Л. С. Багровым копия чертежа Сибири 1673 г., сделанная Спарвенфельдом во время его пребывания в Москве в 1684—1687 гг., его карта Сибири 1689 г. и эскиз карты северо-восточной Сибири неизвестного шведского пленного, относимой к 1680 г. Все эти карты были изданы Л. С. Багровым в IV томе «*Imago Mundi*» за 1947 г. (вышед-

⁸ Она напечатана по-немецки в сборнике «*Jamato*» (3, Berlin, 1931, стр. 75—90 и 134—143) и по-русски в сборнике «Статьи и материалы по чтению в Кружке любителей русской старины» (Берлин, 1932, стр. 3—21).

⁹ Откуда чертеж перепечатан в труде М. И. Белова «История открытия и освоения Северного морского пути» (т. I, М., 1956, стр. 160).

¹⁰ Описание этого чертежа см. у Н. Н. Оглобина; Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.), чч. 1—4. М., Унив. тип., 1895—1901, ч. 4, стр. 114, 115.

¹¹ Там же, ч. 3, стр. 202, 346.

шем в Стокгольме в 1948 г.); они представляют несомненный интерес и для историка отечественной картографии.

К той же статье Л. С. Багрова, посвященной Sparvenfeld's Map of Siberia («Imago Mundi», IV, стр. 65—72), примыкают еще два русских чертежа Сибири: чертеж Сибири Спафария, ездившего русским послом в Китай в 1675—1677 гг. (он вернулся в Москву в январе 1678 г.), и чертеж всей Сибири 1684—1685 гг.; и тот, и другой находились до последнего времени (до осени 1957 г.) в собрании карт и планов Л. С. Багрова в Стокгольме.

О чертеже Сибири, составленном Спафарием, имеется довольно большая литература, — чертеж Спафария давно уже считался утерянным, и неожиданному появлению его в собрании карт и планов частного лица должна предшествовать очень интересная история о том, как и когда исчез чертеж Спафария из Посольского приказа в Москве, куда он был представлен в 1678 г., и оказался затем в Берлине, а позднее в Стокгольме. Все этапы переезда этого чертежа из Москвы в Стокгольм, вероятно, никогда не будут установлены и описаны, но о последних моментах этой истории можно сказать кое-что.

По словам Л. С. Багрова в его более поздней работе «Первые русские карты Сибири и их влияние на западноевропейскую картографию северо-восточной Азии», «ни оригинал, ни копия чертежа Спафария не сохранились в русских архивах. Рукописная копия (оригинал или копия?) попала, однако, в мои руки (она находится в моем собрании и воспроизведена в моей статье о Спарвенфельде в „Imago Mundi“, IV, после стр. 68)».¹² В 1947 г. Л. С. Багров в упомянутой статье о Спарвенфельде писал, что чертеж Спафария найден им в Германии. О том, что чертеж действительно находился с неизвестного времени в Германии, свидетельствуют имеющиеся на чертеже три печатштампа: двух берлинских библиотек и одного из институтов: «Koenigl. Kartograph. Institut Berlin». Как затем из одного из этих учреждений (а им была, видимо, библиотека, имевшая маленький четырехугольный штампик) чертеж оказался в Стокгольме у Л. С. Багрова, последний ничего не сообщает; теперь же, после смерти Л. С. Багрова, судьба его собрания совсем неизвестна.

Не менее интересно и происхождение второй находки, опубликованной в том же IV томе «Imago Mundi» (между стр. 70 и 71), — общего чертежа Сибири 1684—1685 гг.; в легенде к нему обозначено, что это «Ремезовская копия Сибирской карты, 1687» (Собрание Л. С. Багрова, 23 × 17 см). В другой

¹² «Imago Mundi», IX, 1952, стр. 84.

своей статье, напечатанной в «Imago Mundi» (t. IX), Л. С. Багров указывает, что в его собрании имеется труд С. У. Ремезова «Описание Сибири, начатый им (Ремезовым, — А. А.) в сентябре 1696 г.». Оглавление этого труда С. У. Ремезова известно из бумаг Г. Ф. Миллера (ААН, ф. 21, оп. 5, № 387, лл. 58—69 об.): «на листе 160-м» этого труда, «в главе 64-й» находился чертеж, опубликованный в «Imago Mundi» (IV, между стр. 70 и 71), с тем названием, которое читаем в этом первом печатном воспроизведении: «Во 192 (1684)-м и 3 (1685)-м годах чертеж в дополнение прежнему, кои писан во 176 (1668)-м году про знание жилья».

Чертеж Сибири 1684—1685 гг. наиболее ранний из пока известных общих чертежей Сибири, на котором нанесены контуры Чукотки, Чаунской губы, даны первые признаки п-ова Камчатки; изображенная на нем река Камчатка служит нем подтверждением того, что русские задолго до походов Дежнева побывали на Камчатке.

Подробный анализ содержания обоих чертежей сделан М. И. Беловым во втором издании его книги «Семен Дежнев» (М., 1955, стр. 116—119), где, как уже отмечено выше, напечатаны оба чертежа.

Кроме упомянутых чертежей Сибири, Л. С. Багров в 1952 г. напечатал и общий чертеж Сибири 1667 г., по поводу которого он в 1947 г. высказал предположение, что автором его был Ульян Ремезов, отец известного Семена Ульяновича Ремезова; а позднее, в труде 1952 г., стал утверждать, что автором этого чертежа были Семен Годунов и Ульян Моисеев сын Ремезов. Впрочем, в другом труде того же 1952 г. он вновь повторяет, что автором чертежа 1667 г. был Ульян Ремезов.¹³ Следует заметить, однако, что источниками XVII в. эти предположения не подтверждаются и являются пока домыслами Л. С. Багорова.

В «Описании Сибири» С. У. Ремезова, судя по оглавлению, было много и других чертежей Сибири, между прочим и такие, которые отсутствуют в «Служебной чертежной книге» и в «Чертежной книге Сибири 1701 г.». Вместе с тем очевидно, что этот труд Ремезова «Описание Сибири» в прежних сочинениях Л. С. Багорова назывался «Малой чертежной книгой Сибири» С. У. Ремезова (см., например, «Карты Азиатской России», II. Пгр., 1914, стр. 15) и хранился тогда в Петрограде, в собрании Воронцовых-Дашковых, передан был затем в Переселенческое

¹³ Там же, IV, 1948, стр. 83; Leo Bagrow. Die Geschichte der Kartographie. Berlin, 1951, стр. 178 (здесь на стр. 177 воспроизведен тот же чертеж 1667 г. по копии из «Малой чертежной книги» С. У. Ремезова, находящейся у него, Л. С. Багорова); «Imago Mundi», IX, 1952, между стр. 82 и 83.

управление, когда оно готовило свой атлас Азиатской России. В 1926—1927 гг. Археографическая комиссия Академии наук СССР настойчиво разыскивала этот труд С. У. Ремезова в учреждениях, пришедших на смену Переселенческому управлению, а равно и у бывших сотрудников этого учреждения, но поиски оказались бесплодными. Позже устанавливается бесспорно, что «Описание Сибири» С. У. Ремезова находится в собрании Л. С. Багрова в Стокгольме; до этого оно находилось долго в Берлине, где жил в последние годы перед занятием Берлина советскими войсками Л. С. Багров.

Издание обеих чертежей Сибири — чертежа Спафария 1678 г. и чертежа всей Сибири 1684—1685 гг. — является весьма ценным вкладом в историю русской географии.

Можно считать случайностью находку в ЦГАДА, в одном из фондов этого архива, именно в таком, где трудно было найти что-либо подобное, — «Чертежа... городам русским и шведским до Варяжского моря», присланного в Москву из Великого Новгорода в декабре 1656 г. Наш крупнейший специалист по исторической картографии И. А. Голубцов посвятил этому открытию ценное исследование («Чертеж русским и шведским городам середины XVII века». Вопросы географии, сб. 20, М., 1950, стр. 286—294, между стр. 288 и 289 напечатан и самый чертеж).

Выводы, к которым пришел И. А. Голубцов при сравнительном изучении новгородского чертежа с картами И. Массы и Буреуса 1626 г., заключаются в следующем: новгородский «чертеж пока древнейший из сохранившихся подлинных остатков нашей политической картографии; он значительно расширяет наши представления о географической осведомленности и картографической оснащенности московского правительства; он, к сожалению, вместе с этим еще раз показывает, каких богатств лишилась русская историческая и географическая наука с гибелью картографических собраний наших приказов и других учреждений». Важен и еще один вывод И. А. Голубцова, касающийся вопроса о возможном влиянии шведских карт на русский чертеж: «наполнение пунктами и реками, наименование городов и рек, надписи о расстояниях и другие пояснения, камень на границе и, конечно, планы городов — все это сделано на чертеже по собственным замыслам, независимо от карты Буреуса и частью в противоположность ей».

Несколько находок чертежей всей Сибири, Якутского уезда и Камчатки XVII в. опубликовал в своих трудах 1948—1950 гг. член-корреспондент АН СССР А. В. Ефимов; за одним исключением («Чертежа вновь Камчадальския земли и моря» из служебной чертежной книги С. У. Ремезова, № 237,

л. 102 об.), все они были уже изданы в наших работах 1939—1940 гг. — в «Очерках по источниковедению Сибири» (Л., изд. «Главсевморпуть», вып. I (XVII век), 1940, стр. 77—84) и в статье «Первые русские карты Сибири» («Глобус», М.—Л., 1939, стр. 307—312).

Что же касается «Чертежа вновь Камчадальския земли и моря», то А. В. Ефимов относит его «примерно к 1705—1706 гг.», с чем, кажется, следует согласиться.

В выпусках VIII и IX «Imago Mundi», вышедших в 1952 и 1953 гг., изданы еще две карты Сибири 1690 г. бельгийского иезуита А. Томаса и чертеж Московского государства, южной России, составленный русским чертежником, имя которого пока не установлено.

Иезуитский орден, еще во второй половине XVII в. прочно утвердился в Китае, и для него было чрезвычайно важно отыскать более удобные пути и средства для достижения этой страны. Путь через Московское государство не был совершенно закрыт для ордена, поскольку московское правительство открыло для иезуитов путь через свои границы в Персию и Турцию. Несмотря на это, иезуиты сосредоточили свое внимание на пути через Сибирь, который вел в северные провинции Китая и прямо в Пекин, где иезуитская колония играла уже в то время важную и влиятельную роль. В 80-е годы XVII в. иезуитский миссионерский центр был организован и в Москве: иезуитам было разрешено иметь двух священников, они должны были обслуживать религиозные нужды католиков в Москве. Этот факт был хорошо известен иезуитам, работавшим в Китае, и послужил основанием для постановки вопроса о возможности и необходимости использования Сибирского пути для нужд дальневосточной миссии, для получения почты и проезда по этому пути миссионеров.

В результате сношений Ф. Вербиета, руководителя иезуитских миссионеров в Китае, с генералом иезуитского ордена Гонзалесом чешскому генералу Г. Давиду, находившемуся в Москве с 1685 г., было дано поручение разузнать подробно про эту Сибирскую дорогу из Москвы в Китай.

Давид заинтересовался прежде всего правильностью описания этого пути, которое было ему прислано из Рима, а туда попало из Пекина, от Вербиета, который в свою очередь получил его будто бы от Спафария. В присланном из Рима описании Сибирского пути оказалось много неточностей; для исправления их Давид обратился к тому же Спафарию, от которого получил материал для карты этого Сибирского пути. В конце мая 1689 г. Давид послал эту карту пути в Рим. Карта Давида до сих пор не найдена. Но в сохранившемся сопроводительном письме

31 мая 1689 г. Давид указывает отдельные пункты пути из Москвы в Пекин. На карте Спафария, которую мы теперь имеем, эта дорога не совпадает точно с дорогой, указанной Давидом, но крайней мере в некоторых пунктах. Вероятно, Спафарий поступил здесь так же, как он уже сделал один раз с известным Филиппом Дериком, которому сообщил также неполные и неточные сведения.

В настоящее время мы располагаем другими картами, на которых показана эта сибирская дорога в Китай. Это карта бельгийского иезуита Антония Томаса, которую он послал из Пекина в 1690 г. в Рим «*Tabula geographica Orientis... in quo demonstrantur et iam itinera in Chinam ex Moschovia, Persia et Mogor*»; и его же карта «*Tartaria Imago*».¹⁴

Так как Томас никогда не был в Москве, возникает, конечно, вопрос, на основании каких же источников составлены им обе карты? Исследовавший этот вопрос проф. А. В. Флоровский считает, что основным источником известий о Сибири был все тот же Спафарий, с материалами которого Томас мог познакомиться в архиве Вербиета, умершего в 1688 г.¹⁵ Это, конечно, возможно, если считать, что Спафарий в свое время (в 1676—1677 гг.) что-то сообщил Вербиету, — а в этом, судя по двум уже отмеченным случаям, можно не сомневаться. Таким образом, вопрос об источниках карт Томаса приходится пока считать открытым.

Деятельности чешских иезуитов XVII в. в области географии и картографии Европейской России проф. А. В. Флоровский посвятил много внимания в своих более ранних трудах: «*Cesti jesuité na Rusi. Jesuité české provincie a Slovansky vychod*» (Praha, 1941) и «*Ein Tschechischer Jesuit unter der Asowscher Kalmucen in Jahre 1700*» (Archiv Orientalni, Jg. 12, № 3—4, стр. 162—188, табл. XV—XXVII).

Несомненно, что наиболее примечательной находкой последних лет является чертеж Московского государства — pp. Волги, Дона и Днепра с их притоками, морей Каспийского, Азовского и Черного, который был составлен в Москве в 80-х годах XVII в.

Чертеж этот был найден Л. С. Багровым в библиотеке Морской гидрографической службы в Париже среди других карт и атласов, принадлежавших известному французскому географу и картографу Гильому Делию (1675—1726), и на-

¹⁴ «*Imago Mundi*», VIII, 1951, стр. 106.

¹⁵ Приводимые выше известия о картографической деятельности иезуитов в Китае в 80-е годы XVII в. взяты из статьи проф. А. В. Флоровского «*Maps of the Siberian Route of the Belgian Jesuit A. Thomas (1690)*» («*Imago Mundi*», VIII, стр. 103—108).

печатан Л. С. Багровым в его статье «A Russian Communications Map ca. 1685» («Imago Mundi», IX, стр. 99—101, чертеж между стр. 100 и 101).

Изучив содержание этой карты, Л. С. Багров правильно отметил, что это прежде всего карта дорог — сухопутных и речных, идущих от Москвы к периферии в южном направлении; он отметил также, что на карте показаны валы и засеки, линия их начинается от Симбирска и с перерывами и ответвлениями доходит до Донца, пересекает его и достигает р. Ворсклы у Харькова, здесь она оканчивается; другая линия укреплений оканчивается южнее, в истоке р. Коломок. Обратив внимание на тот факт, что на карте не показана Сызранская засеченная черта (от Сызрани до Пензы), начатая постройкой в 1683 г., Л. С. Багров пришел к правильному заключению, что 1683 г. был последним, в котором работал чертежник этой карты, так как работа по проведению Сызранской засечной линии в 1683—1685 гг. ему осталась неизвестной. Все эти выводы Л. С. Багрова следует еще проверить на основании источников того времени, хранящихся в архивах Украины, но нам они кажутся весьма убедительными.